

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ И СТРАТЕГИЯ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Евгений Сергеев

Abstract

The author examines the main stages in Russia's preparations for war in the strategic field in the late 19th and early 20th centuries. The article focuses on three factors of key importance for the front in the west: space, time and numbers of troops. The inability of the higher administration of the Empire, and the Emperor Nicholas II in particular, to integrate the efforts of various departments to outline a compromised version of the general strategic plan of war against the Triple Alliance may be considered one of the foremost reasons for the premature withdrawal of the Russian Empire, which had become the Soviet Republic, from the First World War in the spring of 1918.

Key words: First World War, the Entente, the Triple Alliance, Russian general staff, Russian strategic plans, mobilisation schedule.

15

Anotacija

Autorius analizuoja pagrindines strategines Rusijos pasirengimo karui stadijas XIX a. pabaigoje – XX a. pradžioje. Straipsnis koncentruojasi į tris svarbiausius Vakarų fronto veiksnius: erdvę, laiką ir pajėgų dydį. Aukštesniųjų imperijos administracijos grandžių, ypač imperatoriaus Nikolajaus II, nesugebėjimas integruoti skirtingų žinybų pastangų kompromisinei karo prieš Trilypę sąjungą generalinio strateginio plano versijai apibrėžti gali būti laikomas viena pagrindinių priežasčių, kodėl Rusijos imperija, įgijusi tarybinės respublikos statusą, skubotai pasitraukė iš Pirmojo pasaulinio karo 1918 m. pavasarį.

Pagrindiniai žodžiai: Pirmasis pasaulinis karas, Antantė, Trilypė sąjunga, Rusijos generalinis štabas, Rusijos strateginiai planai, mobilizacijos planai.

Evgenii Sergeev (Евгений Сергеев), dr. (доктор исторических наук), professor, chief reserch fellow, Institute of World History (Институт всеобщей истории), Russian Academy of Sciences, Leninskii prospect 32 A, Moscow, 119334, Russia. Email: eugene.sergeev59@gmail.com.

Изучение подготовки европейских держав к Первой мировой войне позволяет реконструировать процесс разработки и принятия их властными элитами роковых решений, которые, с одной стороны, положили конец Венскому миропорядку, а с другой, – стали прологом насыщенных событиями «короткого» XX века. Важнейшее место в этой подготовке занимала деятельность представителей военного руководства членов Антанты и Тройственного союза, прилагавших значительные усилия для составления планов грядущих кампаний в различных регионах Европы и Азии.

Цель автора заключается в рассмотрении ключевых вопросов военного планирования России с использованием сравнительного и типологического методов, которые позволяют выявить как общие черты, присущие Генеральным штабам крупных держав, так и особенности, характерные для стратегических замыслов военно-политического руководства царской империи.

Следует подчеркнуть, что пионерами в дискуссии по вопросам военного планирования, которое осуществлял российский Генеральный штаб накануне Первой мировой войны, выступили известные военные теоретики и историки В. Е. Борисов, А. А. Свечин, А. М. Зайончковский и Н. Н. Головин. При этом сразу же выявились два основных направления: критическое и апологетическое¹. Однако масштабная реконструкция этого процесса стала возможной только после открытия доступа специалистов к ранее засекреченным документам особой важности, хранящимся в федеральных архивах России. Именно на их основе были написаны работы Б. Меннинга, У. Фуллера, мл., Х. Строна, Д. Стейнберга, А. Ю. Павлова, В. К. Шацилло, О. В. Павленко и др.²

¹ *Краткій стратегическій очеркъ войны 1914–1918 г.г. Русскій фронтъ*. Вып. I–II. Сост. [В. БОРИСОВ] Москва, 1918–1919; СВЕЧИН, А. Эволюция оперативного развертывания. *Война и революция*, 1926, № 5, с. 3–26; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. *Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов*. Москва, 1926, гл. 1–3 (с. 12–67); ГОЛОВИНЪ, Н. *Планъ войны. Изъ исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ*. Paris, 1936. См. подробнее: АЛПЕЕВ, О. Развитие планов развертывания русской армии на западной границе в 1873–1914 гг.: проблема периодизации. In *Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: доклады и выступления участников III международной научно-практической конференции*. Ред. С. СТЕПАНОВ. Москва, 2014, с. 281–296.

² О последующих дискуссиях по вопросам военного планирования в России накануне Первой мировой войны также см.: ПОСТУНОВ, И. *Русскій фронтъ Первой мировой войны*. Москва, 1976, с. 60–95; LUNTINEN, P. *French Information on the Russian War Plans, 1880–1914*. Helsinki, 1984, pp. 107–159; SNYDER, J. *The Ideology of the Offensive. Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca, 1984, pp. 165–194; FULLER, W. jr. *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*. New York, 1992, pp. 394–451; STRACHAN, H. *The First World War*. Vol. 1. Oxford, 2001, pp. 297–316; *Мировые войны XX в.* Кн. 1: *Первая мировая война. Исторический очерк*. Отв. ред. Г. ШКУНДИН. Москва, 2002, с. 75–100; MENNING, B. *The Offensive Revisited. Russian Preparation for Future War, 1906–1914*. In *Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*. Ed. by D. SCHIMMELPENNINCK VAN DER OYE, B. W. MENNING. New York, Washington, 2004, pp. 215–231; MENNING, B. *War Planning and Initial Operations in the Russian Context*. In *War Planning 1914*. Ed. by R. HAMILTON, H. HERWIG. New York, 2010, pp. 75–96; STEINBERG, J. *All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Baltimore, 2010, pp. 192–231; ШАЦИЛЛО, В. *Последняя война царской России*.

Если российские историки концентрируют внимание на верности правительства Николая II союзническим обязательствам, что заставило войска несколько преждевременно развернуть наступление по расходящимся направлениям в Восточной Пруссии и Галиции, то в англо-американской историографии подчеркивается неизбежность крупных стратегических просчетов русского командования в начальный период войны, вызванных общей социально-экономической отсталостью царской России, соперничеством ведомственных и личных амбиций в высших эшелонах власти, а также географической изолированностью страны, затруднявшей ведение по-настоящему коалиционной войны в партнерстве с другими членами Антанты³.

Среди наиболее детальных исследований стратегических планов армии и флота Российской империи накануне Первой мировой войны, увидевших свет в связи со столетней годовщиной ее начала, выделяется фундаментальный труд коллектива российских историков Военной академии Генерального штаба, которые привлекли к работе самый широкий круг источников официального характера и личного происхождения⁴.

Реформирование вооруженных сил Российской империи в 1860-х – 1870-х гг., обусловленное переходом к всеобщей воинской обязанности и внедрением системы военных округов, создали необходимые предпосылки для планирования будущих кампаний, которые предполагалось вести как против традиционных геополитических соперников, например, Великобритании, так и против новых противников в лице объединенной Германии. Неслучайно еще в 1873 г. тогдашний военный министр Д. А. Милютин разработал проект действий России на европейском театре против возможной коалиции держав⁵.

Москва, 2010, с. 67–70. Новые архивные материалы о разработке Генеральным штабом России планов кампании в Европе использовали в своих работах А. Ю. Павлов и О. В. Павленко, см.: ПАВЛОВ, А. *Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917)*. Санкт-Петербург, 2008, с. 7–16; PAVLENKO, O. *Russische geopolitische Entwürfe und Prognosen (1910–1914) eines „großen europäischen Krieges“*. In *Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich*. Hrsg. von P. DEUTSCHMANN, V. MUNZ, O. PAVLENKO. Wien, 2011, S. 129–162. Из заслуживающих внимание новейших исследований также см.: McMEEKIN, S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, Mass., 2011, pp. 76–97; МАНЬКИН, А.; ТЕРЕХОВ, В. Военные планы великих держав и реальности июльского кризиса. In *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Ред. Л. БЕЛОУСОВ, А. МАНЬКИН. Москва, 2014, с. 46–65.

³ О влиянии коалиционной войны на военное планирование особенно см.: KENNEDY, P. *War Plans of the Great Powers. Military Coalitions and Coalition Warfare over the Past Century*. In *Coalition Warfare. An Uneasy Accord*. Ed. by K. NEILSON, R. A. PRETE. Waterloo, Ont., 1983, pp. 1–15; WALLACH, J. *Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War One*. London, 1993.

⁴ *Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. Т. 1. Ред. В. ГЕРАСИМОВ. Москва, 2014, с. 318–397.

⁵ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. *Op. cit.*, с. 31.

Целенаправленный характер военного планирование в России приобрело под влиянием начальника Главного штаба Н. Н. Обручева. Именно он еще в начале 1873 г. представил свои соображения о планах ведения войны против Германии и Австро-Венгрии, заключивших спустя шесть лет договор о союзе⁶. Увеличение численности русских войск вместе с формированием резервных частей, изменение их дислокации и ускоренное железнодорожное строительство заставляли Главный штаб пересматривать планы кампании на Европейском субконтиненте в 1880, 1883, 1887 и 1890 гг., причем последнее, четырнадцатое по счету, мобилизационное расписание в отличие от предыдущих имело в виду уже два варианта действий: один на случай, если Германия направит свой главный удар против России, а второй – если Берлин выступит всеми силами против Франции.

18

Русско-французская военная конвенция, подписанная в 1892 г. и утвержденная в следующем году, сыграла значительную роль в уточнении последующих мобилизационных расписаний. Согласно конвенции, Россия обязалась предоставить Франции помощь в случае нападения на нее Германии или Италии, поддержанной Германией, а Париж был призван выполнить союзнический долг при атаке на Россию Германии или Австро-Венгрии, опиравшейся на помощь Берлина. В случае начала мобилизации в странах Тройственного союза Петербург и Париж также должны были начать немедленное сосредоточение войск, поставив под ружье: Россия – не менее 700–800 тыс. чел., а Франция – 1 300 тыс. солдат и офицеров⁷.

Особенностью плана 1900 г. (уточненного в 1903 г.), который был разработан под непосредственным руководством военного министра А. Н. Куропаткина с учетом формирования в 1892–1893 гг. русско-французского союза, являлось создание промежуточной инстанции управления войсками на стратегическом театре – командований фронтами. Отныне все армии на западных границах Российской империи объединялись в две географически примыкавшие друг к другу группы: Северный фронт против Германии и Южный фронт против Австро-Венгрии.

Решающее значение для дальнейшего развития военного планирования имела русско-японская война 1904–1905 гг., вызвавшая к жизни две «волны» реформ – в 1905–1908 и 1909–1912 гг.⁸ Первая из них затронула главным образом

⁶ Характеристика записки Н. Н. Обручева «Соображения об обороне России» приводится в следующих исследованиях: ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, П. *Военные реформы 1860–1870 гг. в России*. Москва, 1952, с. 280–288; АЙРАПЕТОВ, О. *Забывтая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904)*. Санкт-Петербург, 1998, с. 127–128.

⁷ *Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917*. Ред. Е. АДАМОВ. Москва, 1953, с. 281; ПАВЛОВ, А. *Op. cit.*, с. 7–8.

⁸ О военных реформах в России на протяжении 1905–1912 гг. см подробнее: MENDING, B. *Mukden to Tannenberg: Defeat to Defeat*. In *The Military History of Tsarist Russia*. Ed. by F. KAGAN, R. HIGHAM. New York, 2002, pp. 208–218.

высшие организационные структуры управления армией и флотом. Ее итогом стало формирование Государственного Совета Обороны (ГСО) и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) под руководством соответственно великого князя Николая Николаевича, мл. и его ближайшего сотрудника – генерала-от-инфантерии Ф. Ф. Палицына. Обе структуры сыграли свою роль в разработке планов войны, организации разведывательной службы и повышении уровня мобилизационной готовности войск. Кроме этого, в ходе реформы были осуществлены три дополнительные инновации, оказавшие воздействие на стратегическое планирование: создание инспекторских служб по родам войск, учреждение Высшей аттестационной комиссии и сокращение сроков действительной военной службы.

Вторая серия преобразований, осуществленных по инициативе военного министра В. А. Сухомлинова, имела целью более глубокие изменения, носившие стратегический характер. В частности, резервные части стали привлекаться к участию в регулярных сборах и маневрах совместно с действующими войсками, 128 пехотных батальонов были передислоцированы из приграничных округов во внутренние губернии империи, строительство железных дорог получило новое ускорение (к 1914 г. было построено восемь магистральных линий к западным рубежам), а крепостные укрепления на западной границе по линии Ковно – Гродно – Белосток – Брест подверглись модернизации⁹.

В процессе этих преобразований, имевших как позитивные, так и негативные последствия, русским военным стратегам приходилось учитывать три ключевых фактора: *пространство, время и количественный состав мобилизуемых войск*. Хотя историки продолжают дискутировать об их соотношении и значимости, несомненно, что именно они вкупе с оценкой общего геостратегического положения царской империи легли в основу планов будущей кампании.

Хорошо известно, что Россия, подобно Германии, была окружена потенциальными противниками. Накануне войны царские стратеги в качестве таковых помимо двух Центральных держав рассматривали Швецию – на севере, Румынию – на юго-западе, Османскую империю – в бассейне Черного моря, Китай и Японию – на востоке. Поэтому для нейтрализации угрозы столице империи и удержание контроля над побережьем Балтийского моря предусматривалось формирование 6-ой армии, а для прикрытия южного направления и содействия Черноморскому флоту планировалось использовать вновь создаваемую 7-ю армию. В то же время для действий против Турции предназначались войска Кавказского военного округа, которые в период мобилизации сводились в три корпуса. Характерно, что стратегический план кампании в Закавказье

⁹ MENNING, B. *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington, 1992, pp. 222–230.

предусматривал три возможных сценария: первый – самый маловероятный имел в виду войну России только против Османской империи; второй означал подготовку к кампании против Турции, выступавшей совместно с коалицией противников России (по Крымской войны 1853–1856 гг.); наконец, третий, реализованный на практике, был обусловлен сохранением турками нейтралитета в начале боевых действий на европейских фронтах с последующей атакой русских позиций в Закавказье и на Черном море. Очевидно, что именно третий сценарий давал возможность русским перебросить с Кавказа не менее двух корпусов на европейский театр. В этом случае их место должен был занять 2-й Туркестанский корпус, передислоцированный из Центральной Азии по Закаспийской железной дороге и на транспортных судах через Каспий. Главная цель Кавказской армии заключалась в удержании южных границ Российской империи¹⁰.

Рассмотрение военных планов России в отношении Турции было бы неполным без упоминания о проекте десантной операции 200 тыс. контингента русских войск на Верхнем Босфоре и в районе порта Трапезунд (Трабзон). Данный проект всерьез рассматривался царскими стратегами еще с 1885 г., но особенно детально в конце 1913 – начале 1914 г. под влиянием деятельности в Константинополе миссии немецкого генерала Л. фон Сандерса. Несмотря на позитивное мнение Николая II и главы внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонова, колоссальные материальные затраты, которые могла повлечь за собой высадка экспедиционных сил в Малой Азии, а также сдержанное отношение к подобным проектам остальных членов Антанты заставили Петербург отказаться от «военного принуждения турок»¹¹. Как подчеркнул в своих мемуарах В. А. Сухомлинов: «Наш десант на Босфоре – дорогая игрушка и, сверх того, может стать опасной забавой еще в течение долгого времени»¹².

Возвращаясь к анализу факторов стратегического планирования, стоит указать, что **большая протяженность** Российской империи имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, она оставляла для царского командования возможность сконцентрировать основные силы в глубине территории, чтобы оттуда нанести решающий удар по противнику. Но выбор такого варианта обрекал русские войска на пассивную оборону, по крайней мере, в течение начального периода войны. В то же время, обширное пространство со слабо развитой ло-

¹⁰ ШАЦИЛЛО, В. Op. cit., с. 69. О разработках российских стратегов на случай войны против Османской империи см. подробнее: МАРТИРОСЯН, Д. Эволюция планов развертывания войск Кавказской армии на случай войны с Турцией в конце XIX – начале XX вв. In *Первая мировая война: взгляд спустя столетие...*, с. 297–304.

¹¹ Журнал Особого Совещания 31 декабря 1913 г. (12 января 1914 г.). *Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)*, ф. 138, оп. 467, д. 310, л. 4–4об.

¹² СУХОМЛИНОВ, В. *Воспоминания*. Минск, 2005, с. 224–226.

гистической инфраструктурой затрудняло осуществление всеобщей мобилизации в краткие сроки, необходимые для перехода в наступление с пограничных рубежей и перенесения боевых действий на территорию противника. А ведь именно последний сценарий старта военной кампании в Европе согласовывался между Россией и Францией на девяти совещаниях начальников Генеральных штабов, которые обсуждали главным образом планы активных действий русской армии против Германии с востока¹³.

Возникшая дилемма определяла в свою очередь значимость **времени** развертывания сухопутных войск на фронтах. Если в 1906 г. германская разведка определяла продолжительность осуществления всеобщей мобилизации русских сил в 30 суток¹⁴, то на межсоюзнических военных совещаниях в 1911–1913 гг. французские представители смогли прийти к выводу о прогрессирувавшем сокращении периода, который требовался их союзнику для организации наступления. По расчетам офицеров царского Генерального штаба в 1911 г., сроки завершения мобилизации составляли уже 16–18 суток, а в 1913 г. – только 13–15 суток. При этом, однако, время прибытия на театр военных действий дополнительных контингентов из Кавказской армии и Туркестана увеличивало их до 40 суток, хотя немцы были готовы мобилизовать свои силы против России в течение 12 суток, а австрийцы – 16 суток¹⁵.

Что касается третьего из упомянутых факторов военного планирования – **количественного состава живой силы**, то большую роль в его оценке играли данные, полученные разведывательными службами. Так, в отношении Австро-Венгрии указывалось на 625–673 батальона, которые были способны противостоять 728 русским батальонам в полосе Юго-Западного фронта¹⁶. Менее точными сведениями обладали офицеры ГУГШ касательно вероятной численности германских сил на Восточном фронте в начальный период боевых действий. Их общая численность к весне 1911 г. оценивалась в 25 дивизий, включая резервные соединения, а спустя три года под влиянием информации, полученной от французской разведки, – в диапазоне от 16 до тех же 25 дивизий¹⁷. В реальности, как мы знаем, немецкие войска, противостоявшие русскому наступлению в Восточной Пруссии летом – осенью 1914 г. насчитывали всего 15 пехотных и одну кавалерийскую дивизию, которые вступили в пограничное сражение с 26 русскими дивизиями (17, 5 пехотными и 8,5 кавалерийскими).

¹³ ДАНИЛОВЪ, Ю. *Россия въ мировой войнѣ 1914–1915 гг.* Берлинъ, 1924, с. 76.

¹⁴ ZUBER, T. The Schlieffen Plan Reconsidered. *War in History*, 1999, vol. 6, no 3, p. 294.

¹⁵ Всеподданнейший доклад Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), 1911 г. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, ф. 2000, оп. 1, д. 1833, л. 4–6.

¹⁶ MENNING, B. *The Offensive Revisited...*, p. 225.

¹⁷ Генерал-квартирмейстер Данилов – военному атташе в Париже подполковнику Игнатьеву, 21 апреля (4 мая) 1911 г. *РГВИА*, ф. 2000, оп. 1, д. 1790, л. 240.

«Стратегический пессимизм», обусловленной распылением сил русской армии между двумя стратегическими направлениями, которым, по мнению современных историков, были проникнуты офицеры Генерального штаба¹⁸, характеризовал все мобилизационные расписания, составлявшиеся ими вплоть до 1912 г. На практике война против более экономически и культурно развитой Германии становилась возможной для России при выборе одного из двух альтернативных стратегических планов: постоянной дислокации крупных сил в приграничных округах с опорой на систему крепостей, либо концентрации армий в тыловых губерниях Европейской части России. Неслучайно мобилизационное расписание № 18, подготовленное Генеральным штабом в 1910 г., ориентировалось на второй вариант и носило поэтому оборонительный характер, учитывая опасность нападения на империю со стороны Турции и даже Японии. Кроме того, его составители и сам военный министр В. А. Сухомлинов указывали на слишком большие расходы, которые несла казна по модернизации крепостей на границах с Германией и Австро-Венгрией¹⁹.

Резкая критика принятого плана со стороны целого ряда военачальников, и прежде всего командующего Киевским военным округом М. В. Алексева, а также генерал-квартирмейстера ГУГШ Ю. Н. Данилова вызвала оживленную дискуссию. Суть разногласий заключалась в выборе стратегических приоритетов: если М. В. Алексеев утверждал, что главной целью русского наступления должен стать захват Будапешта, а затем и Вены, то Ю. Н. Данилов отстаивал необходимость концентрированного удара против германских войск в Восточной Пруссии с последующей оккупации Кенигсберга и спрямления «польского выступа». По его мнению, возможность проведения Восточно-прусской операции открывалась благодаря 60-ти дневному «окну», которое возникало для русских в связи с отвлечением основных германских для наступления на Париж. Компромисс между двумя концепциями был достигнут 21 февраля (5 марта) 1912 г. на совещании высшего генералитета империи. Его участники одобрили мобилизационное расписание № 19, предусматривавшее выдвижение к западным границам войсковых объединений для начала наступательных операций по двум расходящимся направлениям: на северо-западе против Германии и юго-западе против Австро-Венгрии, не дожидаясь завершения всеобщей мобилизации. По всеобщему мнению, оно предусматривало несравнимо более активные действия русских армий, чем предыдущие, имея, впрочем, два сценария – «А» и «Г».

Согласно варианту «А», который становился руководством к действию в случае, если Германия направит основные силы против Франции, оставив на востоке

¹⁸ MENNING, B. *The Offensive Revisited...*, p. 224; FULLER, W. jr. *Op. cit.*, p. xx.

¹⁹ MULLIGAN, W. *The Origins of the First World War*. Cambridge, 2010, p. 98.

лишь несколько корпусов для прикрытия границы с Россией, главным противником становилась Австро-Венгрия. Тогда против нее в полосе Юго-Западного фронта на линии Ивангород – Люблин – Холм – Дубно – Проскуров сосредотачивались 3-я, 4-я, 5-я и 8-я армии, а против Германии на рубеже Шавли – Ковно – реки Неман, Нарев и Западный Буг концентрировались 1-я и 2-я армии – лучшие по кадровому составу и вооружению. План «Г» вступал в силу при условии, если бы Германия предпочла бросить основную массу войск на борьбу с Россией. В соответствии с ним на германский фронт кроме 1-й и 2-й направлялась также и 4-я армия. Впрочем, по признанию офицеров ГУГШ и штабов приграничных округов, второй сценарий будущей кампании рассматривался как наименее вероятный²⁰.

Характерно, что, несмотря на очевидные различия в выборе ориентиров наступления на запад, оба плана практически одинаково формулировали задачу овладения Восточной Пруссией, хотя в плане «А» ставилась цель нанесения решающего поражения Австро-Венгрии, а в плане «Г» предполагалось не допустить выхода австрийских войск в тыл русских, действующих на германском фронте. Но ни в одном не содержалось упоминания об организации наступления русских войск из польского выступа в направлении Берлина на протяжении первых недель войны, как это настоятельно просили французы и как предлагал начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Ключев в 1910 г.²¹.

На первый взгляд, планы наступления Северо-Западного и Юго-Западного фронтов по расходящимся направлениям выглядели слишком рискованными и потому заранее обреченными на провал. Однако царское командование рассчитывало, что общая стратегическая обстановка в начальный период войны предоставит русским армиям благоприятную возможность осуществить обе наступательных операции. Относительно Австро-Венгрии среди офицеров Генерального штаба существовало твердое убеждение о превосходстве сил и средств, имевшихся в распоряжении командования Юго-Западного фронта, над потенциалом Дунайской монархии. Что же касается Германии, то успех Вос-

²⁰ Доклад начальника штаба Варшавского округа генерала Н. А. Ключева, 16 (29) марта 1912 г. In 10-Й ОТДЕЛ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА, *Восточно-Прусская операция*: сборник документов. Москва, 1939, с. 37–39. Схемы стратегических планов «А» и «Г» см. подробнее: АЛПЕЕВ, О. Ор. cit., с. 295–296; *Вооруженные силы России в Первой мировой войне...*, с. 633–634.

²¹ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. Ор. cit., с. 262; *Восточно-Прусская операция...*, с. 27–29; Записка генерал-лейтенанта Н. А. Ключева «Соображения о наступательных действиях из района 2-й армии при войне с Германией и Австрией», 23 января (5 февраля) 1910 г. *РГВИА*, ф. 2000, оп. 1, д. 1790, л. 49–57об. и 59–59об.

точно-Прусской, а затем и Висло-Одерской операции связывался с отвлечением ударных немецких дивизий на преодоление французской обороны²².

Как позднее вспоминал В. А. Сухомлинов, в 1912 году у него состоялся разговор с начальником Генерального штаба Франции Ж.-Ж. Жоффром относительно будущей войны: «Мы были с ним одного мнения: немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем обрушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и Запада»²³.

Дополнительными условиями осуществления этого замысла являлось, во-первых, удобное географическое положение польского выступа, который можно было использовать как трамплин для наступательных операций в Центральной Европе; во-вторых, приход накануне войны к власти в Швеции либерального правительства, склонного к сохранению нейтралитета, и, в-третьих, удержание Османской империи, хотя бы в первые месяцы, от вступления в войну²⁴.

В предвоенные годы штаб-квартирами Балтийского и Черноморского флотов являлись соответственно Гельсингфорс (Хельсинки) и Севастополь. С началом войны оба флота перешли в оперативное подчинение Ставки, руководство которой при составлении директив опиралось на стратегические разработки Морского Генерального штаба. При этом ситуация на двух основных для России театрах морской войны имела как общие черты, так и отличия²⁵.

Общим для обоих флотов являлся вторичный по сравнению с армией характер действий, поставленный ГУГШ в зависимость от развития событий на Северо-Западном и Кавказском, а впоследствии и Румынском фронтах. Кроме того, естественная географическая замкнутость Балтийского и Черноморского бассейнов препятствовала свободному выходу русских боевых кораблей в открытый океан, обрекая их на осуществление лишь функции береговой обороны. Однако в отличие от Балтики, где германские морские силы не оставляли почти никаких шансов русскому флоту, находившемуся в процессе восстановления количественного и наращивания качественного состава после катастрофы на

²² Оценки потенциала и боеготовности основных противников России давались накануне войны в аналитических сборниках ГУГШ, см.: *Вооруженные силы Австро-Венгрии*. Т. 1. С.-Петербург, 1912, с. 223; *Вооруженные силы Германии*. Т. 2. С.-Петербург, 1914, с. 15-16.

²³ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. *Op. cit.*, с. 217.

²⁴ Наиболее информативные схемы, иллюстрирующие подготовку российским Генеральным штабом стратегических планов в предвоенные годы, можно найти в следующих работах: MENNING, B. *War Planning...*, pp. 84, 110, 116, 127; CORNISH, N. *The Russian Army and the First World War*. Stroud, 2006.

²⁵ Об особенностях планирования морских операций русского флота см.: ПЕТРОВ, М. *Подготовка России к мировой войне на море*. Москва-Ленинград, 1926; FULLER, W. jr. *Op. cit.*, pp. 436-437; STRACHAN, H. *Op. cit.*, pp. 403-405; CORNISH, N. *Op. cit.*, pp. 205-211; MENNING, Bruce. *War Planning...*, pp. 134-135; *Вооруженные силы России в Первой мировой войне...*, с. 358-386.

Дальнем Востоке, у русского командования имелись реальные возможности вытеснить турецкие боевые корабли из бассейна Черного моря.

Отсюда планирование Морским Генеральным штабом стратегии обороны Финского залива и подступов к столице империи за счет главным образом минных заграждений и действий подводных лодок при обязательном взаимодействии с Великобританией²⁶. Что же касается Черного моря, то особая значимость проливов для связи с партнерами по Антанте, а также обеспечения торгово-экономических интересов России и укрепления ее геополитических позиций на подступах к Средиземноморью диктовала разработку планов более активных действий по блокаде Босфора, проведению десантных операций в стратегически важных портах (например, Трапезунде), а также ликвидации линкора «Гебен» и легкого крейсера «Бреслау», присланных Германией на помощь союзнику. Но в итоге оперативный план, разработанный штабом морских сил Черного моря, так и не был утвержден к началу войны морским министром И. К. Григоровичем, что не позволило флоту перейти к активным действиям сразу же после вступления в войну Османской империи²⁷.

Большое значение в этой связи помимо мобилизационного расписания № 20, утвержденного в 1913 г. и фактически повторявшего основные положения предыдущего варианта развертывания русских армий с учетом отмеченных дополнительных условий, имела разработка положения о подготовительном (предмобилизационном) к войне периоде. К началу мая 1912 г. этот документ был подготовлен межведомственной комиссией во главе с начальником мобилизационного отдела ГУГШ генерал-майором А. С. Лукомским и после обсуждения офицерами ГУГШ направлен в Совет министров. В преамбуле указывалось, что «открытию военных действий всегда предшествует более или менее длительный период дипломатических осложнений, коему присваивается наименование «подготовительного к войне периода»²⁸. Показательно, что впервые в истории России была разработана особая процедура принятия решения о наступлении такого периода. Сначала три министра – военный, морской и иностранных дел, должны были прийти к общему мнению о неизбежности войны. Их решение рассматривалось на экстренном заседании Совета министров, а затем поступало императору на окончательное утверждение.

2 (15) марта 1913 г. положение было одобрено Николаем II. Согласно этому документу по периметру рубежей России могли возникнуть политические ослож-

²⁶ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала А. А. Ливена, 3 (16) февраля 1912 г. *АВПРИ*, ф. 138, оп. 467, д. 303/306, л. 17–24.

²⁷ FULLER, W. jr. *Op. cit.*, pp. 437–438; КОЗЛОВ, Д. «Странная война» в Черном море (август–октябрь 1914 г.). Москва, 2009, с. 15–32.

²⁸ Проект Положения «О подготовительном к войне периоде», 2 (15) мая 1912 г. *АВПРИ*, ф. 138, оп. 467, д. 303/306, л. 3.

нения в четырех географических регионах, способные повлечь за собой вооруженные конфликты: на западной границе (общая стоимость мобилизационных мероприятий – около 50 млн. руб.), на Дальнем Востоке (более 20 млн. руб.), на Кавказе (почти 12 млн. руб.) и в Туркестане (около 13 млн. руб.). Приведенные суммы означали совокупные расходы пяти ведущих министерств России: военного, морского, внутренних дел, путей сообщения и финансов. В целом речь шла о сумме затрат, оцениваемой в 95 млн. руб.²⁹

26

Как известно, параллельно с разработкой мобилизационных расписаний и положения о предвоенном периоде в России осуществлялась подготовка «Большой программы по усилению армии». Хотя в октябре 1913 г. Николай II одобрил ее положения, понадобилось еще более полугодия для завершения всех межведомственных согласований. Утвержденная, наконец, в самый канун начала войны – 24 июня (7 июля) 1914 г. и рассчитанная на четыре года, она имела основной целью подготовку вооруженных сил России к ведению лишь кратковременной войны, поскольку главное внимание уделялось повышению численности войск первой линии. По замыслу авторов программы, согласованному с требованиями союзников, такой подход обеспечивал бы решающий успех именно в начальный период боевых действий. Но, к сожалению, принятие Большой программы слишком запоздало для того, чтобы сыграть заметную роль в военном планировании³⁰. Стоит, однако, подчеркнуть, что перевооружение войск, осуществлявшееся ускоренными темпами на протяжении 1914–1915 гг., привело к формированию в 1916 г. «новой» русской армии, которая более соответствовала задачам ведения первой тотальной войны в истории человечества.

Основные выводы заключаются в том, что на протяжении двух предвоенных десятилетий военные планы России претерпевали постоянные изменения с учетом, во-первых, текущей геостратегической ситуации (возникновения германской угрозы, создания русско-французского союза, русско-японской войны и т.д.), во-вторых, возрастания экономического потенциала империи при сохранении ее зависимости от европейских финансовых рынков, и в-третьих, создания современной логистической инфраструктуры в приграничных западных губерниях. К факторам, определившим российскую специфику стратегического планирования накануне Первой мировой войны, следует отнести учет пространственной составляющей, уникальную конфигурацию имперской границы («Польский выступ»), отсутствие значительных естественных препятствий (кроме Карпат), которые могли бы остановить движение «русского па-

²⁹ Ibid., л. 14.

³⁰ ЖИЛИН, А. Большая программа по усилению русской армии. *Военно-исторический журнал*, 1974, № 7, с. 96–97; РОСТУНОВ, И. Op. cit., с. 94–95.

рового катка» на запад, а также замкнутый характер двух основных морских бассейнов – Балтийского и Черноморского.

Современные исследования российских историков показывают, что с конца XIX в. до начала Великой войны стратегическое планирование имперского Генерального штаба прошло не менее трех основных этапов (1873–1903, 1904–1910, 1910–1914) (хотя ряд специалистов разбивают последний из них на два: соответственно – 1910–1912 и 1912–1914 гг.), совершив эволюцию от преимущественно оборонительного к наступательному типу по своему характеру³¹.

Однако, как показали события конца лета – осени 1914 г., несмотря на сокращение продолжительности мобилизационного периода, царским генералам так и не удалось преодолеть разрыв между предвоенными стратегическими концепциями и реальным управлением большими массами войск на обширной территории в условиях жесткого лимита времени. Даже компромисс между сторонниками оборонительной войны на истощение и адептами активной наступательной стратегии, достигнутый в 1912 г. при разработке мобилизационного расписания № 19, которым фактически руководствовалась Ставка в августе 1914 г., не позволил высшему командованию воспользоваться «окном возможностей» – то есть периодом благоприятной геополитической ситуации, чтобы одержать решающую победу над германо-австрийскими войсками в Восточной Пруссии и Галиции.

Справедливости ради подчеркнем, что не только лучшие генералы России, но и стратеги других европейских государств оказались вряд ли готовы к проведению на суше и море операций такого масштаба, какой был характерен для сражений Великой войны, поскольку все предыдущие войны конца XIX – начала XX вв. носили в общем локальный и относительно краткосрочный характер, а стратегическое планирование оставалось прерогативой офицеров Генерального штаба, которые традиционно не допускали гражданских лиц – политиков, дипломатов и капитанов экономики к обсуждению возможных сценариев вооруженного конфликта общеевропейского, а тем более мирового масштабов³².

Кроме того следует учитывать фактическое отсутствие согласованных стратегических планов ведения войны на суше и на море между Россией и двумя другими членами Антанты. Это привело к тому, что контакты между Петербургом, с одной стороны, союзным Парижем и дружественным Лондоном – с другой, не оказали решающего влияния на разработку стратегических планов офицерами Главного управления Генерального штаба России.

³¹ См., напр.: АЛПЕЕВ, О. *Op. cit.*, с. 290.

³² МАНЬКИН, А.; ТЕРЕХОВ, В. *Op. cit.*, с. 47.

Неслучайно поэтому реальная динамика военных действий в 1914 г. и последующих годах выявила серьезные просчеты, допущенные стратегами в столицах держав при разработке планов достижения победы, одержать которую союзникам по Антанте удалось лишь благодаря опыту, приобретенному на полях сражений ценой миллионов жертв.

Acknowledgements

Through writing this article, the author has benefited from intellectual stimulation provided by the Lithuanian Institute of History, which brought together a remarkable group of scholars from around the world to an international conference held in December 2014.

The author also expresses his gratitude to Russia's Ministry of Education and Science for financial support (project No 33.1543.2014/К).

Список исследований, цитируемых в статье

- АЙРАПЕТОВ, Олег. *Забывтая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904)*. Санкт-Петербург, 1998.
- АЛПЕЕВ, Олег. Развитие планов развертывания русской армии на западной границе в 1873–1914 гг.: проблема периодизации. In *Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: доклады и выступления участников III международной научно-практической конференции*. Ред. Сергей СТЕПАНОВ. Москва, 2014, с. 281–296.
- Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. Т. 1. Ред. Валерий ГЕРАСИМОВ. Москва, 2014.
- ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, Андрей. *Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов*. Москва, 1926.
- ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, Пётр. *Военные реформы 1860–1870 гг. в России*. Москва, 1952.
- КОЗЛОВ, Денис. «Странная война» в Черном море (август–октябрь 1914 г.). Москва, 2009.
- МАНЫКИН, Александр; ТЕРЕХОВ, Владислав. Военные планы великих держав и реальности июльского кризиса. In *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Ред. Лев БЕЛОУСОВ, Александр МАНЫКИН. Москва, 2014, с. 46–65.
- МАРТИРОСЯН, Давид. Эволюция планов развертывания войск Кавказской армии на случай войны с Турцией в конце XIX – начале XX вв. In *Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: доклады и выступления участников III международной научно-практической конференции*. Ред. Сергей СТЕПАНОВ. Москва, 2014, с. 297–304.
- Мировые войны XX в. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк*. Отв. ред. Григорий ШКУНДИН. Москва, 2002.
- ПАВЛОВ, Андрей. *Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917)*. Санкт-Петербург, 2008.
- ПЕТРОВ, Михаил. *Подготовка России к мировой войне на море*. Москва-Ленинград, 1926.
- РОСТУНОВ, Иван. *Русский фронт Первой мировой войны*. Москва, 1976.
- СВЕЧИН, Александр. Эволюция оперативного развертывания. *Война и революция*, 1926, № 5, с. 3–26.

- ШАЦИЛЛО, Вячеслав. *Последняя война царской России*. Москва, 2010.
- CORNISH, Nik. *The Russian Army and the First World War*. Stroud, 2006.
- FULLER, William C., jr. *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*. New York, 1992
- KENNEDY, Paul. War Plans of the Great Powers. Military Coalitions and Coalition Warfare over the Past Century. In *Coalition Warfare. An Uneasy Accord*. Ed. by Keith NEILSON, Roy A. PRETE. Waterloo, Ont., 1983, pp. 1–15.
- LUNTINEN, Pertti. *French Information on the Russian War Plans, 1880–1914*. Helsinki, 1984
- McMEEKIN, Sean. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, Mass., 2011.
- MENNING, Bruce W. *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington, 1992.
- MENNING, Bruce W. Mukden to Tannenberg: Defeat to Defeat. In *The Military History of Tsarist Russia*. Ed. by Frederick W. KAGAN, Robin HIGHAM. New York, 2002, pp. 208–218.
- MENNING, Bruce W. The Offensive Revisited. Russian Preparation for Future War, 1906–1914. In *Re-forming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*. Ed. by David SCHIMMELPENNINCK VAN DER OYE, Bruce W. MENNING. New York, Washington, 2004, pp. 215–231.
- MENNING, Bruce W. War Planning and Initial Operations in the Russian Context. In *War Planning 1914*. Ed. by Richard F. HAMILTON, Holger H. HERWIG. New York, 2010, pp. 75–96.
- MULLIGAN, William. *The Origins of the First World War*. Cambridge, 2010.
- PAVLENKO, Ol'ga. Russische geopolitische Entwürfe und Prognosen (1910–1914) eines „großen europäischen Krieges“. In *Konfliktzenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich*. Hrsg. von Peter DEUTSCHMANN, Volker MUNZ, Ol'ga PAVLENKO. Wien, 2011, S. 129–162.
- SNYDER, Jack L. *The Ideology of the Offensive. Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca, 1984.
- STEINBERG, John W. *All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Baltimore, 2010.
- STRACHAN, Hew. *The First World War*. Vol. 1: *To Arms*. Oxford, 2001.
- WALLACH, Jehuda L. *Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War One*. London, 1993.
- ZUBER, Terence. The Schlieffen Plan Reconsidered. *War in History*, 1999, vol. 6, no 3, pp. 262–305.

RUSSIA'S MILITARY PLANS AND STRATEGY ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

Evgenii Sergeev

Summary

For two decades before the war, Russia's military plans underwent a series of changes: first, because of the geo-strategic situation (the unsuccessful war with Japan); secondly, the increasing economic potential of the Empire, while maintaining its dependence on European financial markets; and thirdly, the establishment of a modern logistics infrastructure in its Western borderlands. The main factors that shaped the specific features of Russia's strategic plans on the eve of the First World War should include the consideration of the spatial dimension, a unique configuration of imperial boundaries

(‘the Polish salient’), the absence of significant natural obstacles (except the Carpathians) which would stop the movement of the Russian ‘steamroller’ to the West, and the locked nature of two major seas, the Baltic Sea and the Black Sea.

Modern studies have revealed three consequent stages in Russian military planning from the end of the 19th century to the beginning of the Great War, 1873 to 1903, 1904 to 1910, and 1910 to 1914, completing the evolution from a largely defensive to an offensive type of war in the East European theatre of operations. There are also some historians who divide the latter stage into two periods, 1910 to 1912, and 1912 to 1914.

However, as is shown by events in the late summer and autumn of 1914, despite the reduction in the duration of the on-call period, Russian strategists failed to bridge the gap between prewar strategic concepts and the actual management of large numbers of troops over a wide area in times of hostilities. Even the compromise of 1912 between the supporters of a defensive war of attrition and those who were in favour of an active offensive strategy, which affected mobilisation schedule No 19, did not lead to using the ‘window of opportunity’ by the Russian supreme command in August and September 1914 to win a decisive victory over German-Austrian troops in East Prussia and Galicia.

It is no exaggeration, on the other hand, to conclude that not only the best Russian generals but also strategists in other European countries proved to be unprepared for operations on land and sea on a massive scale, so typical of First World War battles from the very beginning, because all recent wars of the late 19th and early 20th centuries were local and relatively short-term. We should also bear in mind that strategic planning traditionally remained the prerogative of officers of the General Staff, who traditionally did not allow civilians – politicians, diplomats and drivers of the economy – to discuss possible scenarios for armed conflict in Europe.

In addition, attention should be paid to the lack of harmonisation between Russia and the two other members of the Entente regarding their strategic plans for their land troops and their navies. Thus, before the First World War, both army and naval contacts with Russia alienated France and friendly Britain on one hand, and on the other, never had a decisive impact on the strategic planning by Russian officers of the Chief Directorate of the General Staff.

Therefore, the real dynamics of war in 1914 and the subsequent years of hostilities revealed a number of serious mistakes by the Entente’s chief military experts in the preparations by their countries for the global catastrophe. As a result, they were able to win the final victory over the Quadruple Alliance only thanks to the enormous experience gained by their troops and commanders on the battlefield at the cost of millions of lives.

RUSIJOS KARINIAI PLANAI IR STRATEGIJA PIRMOJO PASAULINIO KARO IŠVAKARĖSE

Jevgenij Sergejev

Santrauka

Per du dešimtmečius iki Pirmojo pasaulinio karo Rusijos kariniai planai patyrė daugybę pokyčių. Pirmiausia dėl esamos geostrateginės padėties (pvz., nesėkmingo karo su Japonija), antra, dėl didėjančio imperijos ekonominio potencialo, bet priklausomumo nuo Europos finansinių rinkų, trečia, dėl modernios logistinės infrastruktūros sukūrimo jos vakarinio pasienio srityse. Tarp pagrindinių veiksnių, suformavusių specifinius Rusijos strateginių planų bruožus prieš karą, reikia įvardyti erdvinės dimensijos reikšmę, unikalią imperijos ribų konfiguraciją („lenkiškąjį iškyšulį“), reikšmingų natūralių kliūčių, kurios galėtų sustabdyti Rusijos „garinio veleno“ judėjimą į Vakarus, nebuvimą (išskyrus Karpatus) ir uždarą dviejų pagrindinių vandenynų baseinų – Baltijos ir Juodosios jūrų – pobūdį.

Šiuolaikiniai tyrimai atskleidė tris nuoseklias Rusijos karinio planavimo stadijas nuo XIX a. pabaigos iki Didžiojo karo pradžios: 1873–1903, 1904–1910, 1910–1914 m. Jų metu įvyko evoliucija nuo daugiausia gynybinio iki puolamojo karo Rytų Europos karo operacijų teatre. Taip pat esama istorikų, kurie skirsto paskutinę stadiją į dar du periodus: 1910–1912 ir 1912–1914 m.

Vis dėlto, kaip rodo 1914 m. vėlyvos vasaros ir rudens įvykiai, nepaisant pasirengimo laikotarpio trukmės sumažinimo, cariniai strategai nesugebėjo nutiesti tiltų tarp ikikarinių strateginių koncepcijų ir aktualaus gausių karinių dalinių suvaldymo didelėje teritorijoje laiko ir karo veiksmų prasme. Netgi 1912-ųjų kompromisas tarp gynybinio sekinamojo karo šalininkų ir tų, kurie pasisakė už aktyvią puolamąją strategiją, paveikęs mobilizacijos planą Nr. 19, neatvedė į tai, kad vadinamuoju „galimybių langu“ 1914 m. rugpjūčio ir rugsėjo mėn. Rusijos aukščiausioji karinė vadovybė pasinaudotų lemiamai pergalei prieš Vokietijos ir Austrijos pajėgas Rytų Prūsijoje ir Galicijoje pasiekti.

Antra vertus, nebus perdėta daryti išvadą, kad ne vien geriausi Rusijos generolai, bet ir kitų Europos šalių strategai pasirodė esą nepasirengę masinio pobūdžio operacijoms, tokioms tipinėms Pirmojo pasaulinio karo mūšiams nuo pat pradžių, sausumoje ir jūroje, kadangi visi ankstesni XIX a. pabaigos – XX a. pradžios karai buvo lokaliniai ir santykinai trumpalaikiai. Taip pat reikia turėti omenyje, kad strateginis planavimas buvo Generalinio štabo karininkų prerogatyva, o jie paprastai neleisdavo civiliams – politikams, diplomatams ir ekonomikos vadams – kištis į galimų karinių konfliktų scenarijų Europoje aptarimą.

Be to, reikia atkreipti dėmesį į suderinamumo tarp Rusijos ir kitų dviejų Antantės šalių stoką strateginių planų sausumos ir jūrų pajėgoms klausimu. Pz., prieš Pirmąjį pasaulinį karą kontaktai tarp Rusijos iš vienos pusės ir sąjunginius įsipareigojimus sudariusios Prancūzijos bei draugiškos Britanijos iš kitos – tiek sausumos kariuomenėje, tiek ir laivyne – niekuomet neturėjo jokios lemtingos įtakos Rusijos generalinio štabo Vyriausiosios valdybos karininkų strateginiam planavimui.

Taigi ne kas kita, o reali karo dinamika 1914 m. ir vėlesni karo veiksmų metai atskleidė daugelį rimtų klaidų, kurias pagrindiniai Antantės kariniai ekspertai padarė, rengdami jų šalis globalinei katastrofai. Dėl to prieš keturšalę sąjungą jie galėjo pasiekti pergalę tik milijonų aukų kaina ir tik dėl milžiniškos patirties, kurią kariai ir jų vadovybė įgijo karo mūšiuose.